

Некоторые теоретические результаты работы над «Синтаксическим словарем русского языка»

Вышел подготовленный к печати в Институте русского языка АН СССР «Синтаксический словарь (репертуар элементарных единиц русского синтаксиса)», о работе над которым журнал «Вопросы языкознания» уже информировал читателей (ВЯ, 1980, № 4).

Помимо практического, справочного назначения для широкого круга читателей – и филологов, и изучающих русский язык, – Словарь послужит источником обработанного материала для дальнейших лингвистических изысканий. Не меньшее значение выполненной работы в том, что подвергнув функционально-семантическому анализу строй русского синтаксиса, Словарь подготавливает решение ряда дискуссионных проблем синтаксической теории. О них и пойдет речь в настоящей статье.

В «Синтаксическом словаре» реализована идея взаимодействия лексики и грамматики, связанная с именами В. В. Виноградова и других наиболее глубоких и дальновидных лингвистов. Эта идея стала особенно актуальной в наше время, когда синтаксисты обратились к семантике. На теперешнем этапе зависимость правил построения синтаксических конструкций от лексико-семантических характеристик их компонентов стала очевидностью, уже не требующей доказательств, но требующей систематизации материала.

Для осмысления синтаксического механизма языка необходим ответ на вопрос о том, в каких единицах, на каком уровне системы это взаимодействие осуществляется. Возникла задача Словаря – представить синтаксические ресурсы русского языка научно систематизированными в словарных параметрах. Словаря подобного типа не было в лексикографической практике.

Осуществление этой задачи предлагаемым путем стало возможным на основе решения принципиального вопроса синтаксической теории – выявления конститутивной единицы синтаксиса. В качестве такой единицы выдвинуто понятие синтаксемы. Синтаксемой названа минимальная, далее неделимая семантико-синтаксическая единица русского языка, выступающая одновременно как носитель элементарного смысла и как конструктивный компонент более сложных построений, характеризуемая определенным набором синтаксических потенций.

Напомним основные предпосылки описания синтаксем как конститутивных единиц русского синтаксиса. За различительные признаки синтаксем принимаются 1) категориально-семантическое значение слова, от которого она образована, 2) соответствующая морфологическая форма и 3) вытекающая из (1) и (2) способность синтаксически реализоваться в определенных позициях. Некоторое множество позиций в различных синтаксических конструкциях обобщено в трех разграничиваемых и противопоставляемых возможностях, или функциях:

I – самостоятельное, изолированное употребление конститутивной единицы;

II – употребление единицы в качестве организующего компонента предложения (преддицируемого, преддицирующего или распространителя);

III – присловное употребление единицы в качестве компонента словосочетания (приглагольное, приименное, приадективное, приадвербиальное).

В этом делении воплощается понимание синтаксической функции как конструктивной роли синтаксической единицы в построении коммуникативной единицы.

Набор позиционных возможностей служит основанием для разграничения трех функциональных типов синтаксем: свободных (в Словаре помещаются под буквой **А**), обусловленных (**Б**) и связанных (**В**). Свободные синтаксемны способны выступать в функциях I, II и III; обусловленные – 1, в функциях II, III, реже в I; связанные – только в III функции. Таким образом, диапазон синтаксических потенций каждой синтаксемны определяется ее функциональными свойствами, принадлежностью к одному из трех функциональных типов.

Функциональный анализ единиц определяет и структуру словарной статьи. «На входе» материал классифицируется по морфологическим показателям (для имен – падеж и предлог, по порядку падежей и по алфавит – у предлогов), затем пропускается сквозь классификационный фильтр синтаксических функций, распределяясь по функциональным типам (рубрики А, Б, В) и «на выходе» показывает набор функций и позиций для каждой формы в, каждом из ее структурно-семантических значений.

Поскольку термин «синтаксема» употребляется и применительно к типу, и применительно к манифестирующей его конкретной словоформе, естественно, что как словарная единица синтаксема представлена рядом лексических «делегатов», одного категориально-семантического подкласса, в примерах и иллюстрациях. В случаях, когда синтаксема образуется от слов лексически замкнутого круга, Словарь стремится перечислить их с возможной полнотой. Понятно, что структурно-семантические значения, выявленные у каждой синтаксемы, абстрагированы от множества конкретных употреблений словоформ данного подкласса, регулярно занимающих соответствующую позицию в соответствующей конструкции в текстах, представляющих различные виды общественно-речевой практики.

Таким образом, выявление минимальных конститутивных единиц синтаксиса и их соотносительных функционально-позиционных характеристик позволило сделать синтаксему порядковой единицей словарного представления строительных средств русского синтаксиса.

В результате, подтвердив эффективность понятия синтаксемы, сформулированного и теоретически заявленного в работах автора 1969, 1973, 1982 г., Синтаксический словарь впервые в практике грамматического осмысления и описания языков представляет синтаксическое устройство русского языка в виде систематизированного перечня синтаксем с характеристиками и иллюстрациями их синтаксических свойств, в составе всех моделей словосочетаний и предложений, в которых каждая из синтаксем способна функционировать.

Возникает вопрос о правомерности именовании работы Словарем, о характере жанра этого исследования. Сама постановка задачи сталкивается с устойчивым представлением о противопоставленности двух (и только двух) способов описания языка. Согласно этому представлению, словарный состав языка получает отражение в словарях, формы слов и синтаксические конструкции описываются в грамматиках. И накопившийся практический опыт лингвистических описаний и все большее проникновение языковедов в сущность взаимодействия лексики и грамматики делают это разделение в большой степени условным. Грамматические пометы о формах слов и их синтаксическом окружении сопровождают слова, толкуемые или переводимые в словарях. С другой стороны, грамматические описания, чтобы быть адекватными объекту, все более стремятся использовать в построении синтаксиса лексико-семантические показатели.

Как всякий словарь, книга содержит в виде «словарных статей» снабженный объяснениями и примерами перечень единиц, расположенных по определенным принципам, выработанным лексикографической практикой алфавитный порядок предлогов, глаголов, указатели, ориентирующие читателя). Но цель Словаря – показать синтаксическое устройство языка.

Можно сказать, что создан новый жанр грамматического словаря. Можно сказать иначе, что создан новый тип грамматического описания, представления синтаксического строя русского языка в словарных параметрах. Не исключен вопрос: нужна ли какая-то иная, новая система описания синтаксического механизма, кроме той, которая освящена традицией?

С точки зрения общегносеологических оценок всякий поиск – благо, всякий новый опыт, пусть и небесспорный, интересен. Научная ценность полученного знания измеряется тем, может ли оно служить производству, получению нового знания, служить орудием познания в руках исследователя. В этом смысле существенно то, что система информации,

разработанная в Синтаксическом словаре, способствует прояснению важных вопросов, обсуждаемых, но не решенных современной грамматической наукой.

Среди результатов, полученных путем словарного описания синтаксического строя, можно отметить следующие:

1. Установление релевантного для синтаксиса уровня абстракции от конкретного, с учетом взаимодействия трех составляющих синтаксемы – категориально-семантического, морфологического и функционально-синтаксического ее признаков – дало основание увидеть на этом уровне то взаимодействие формы и содержания, которое позволяет синтаксеме функционировать как единице формы и значения.

Язык осуществляет возможность выразить содержание мысли средствами синтаксиса путем предикативного сопряжения синтаксем, т. е. элементов, являющихся одновременно конструктивными и смысловыми. Этот результат вносит коррективы в распространенные представления о соотношении синтаксиса и семантики как двух будто бы независимых друг от друга ярусов языка. Способы проявления этой бесспорно существующей взаимной зависимости неоднородны. Словарь дает основания для предварительных обобщений и дальнейших размышлений по этой проблеме.

Характеристику каждой синтаксемы можно представить схематически в виде таблицы, в которой формы и значения синтаксем составят вертикальную координату, функции и позиции – горизонтальную. Схема наглядно выявит разнонаправленность взаимодействия этих координат: семантика свободных синтаксем (локативных, темпоративных, директивных, делиберативных и др.) независима от их позиционных возможностей, она заключена в синтаксеме как бы «до предложения» (диагностическим показателем чего и служит типичная для них возможность изолированного употребления); значения обусловленных и связанных синтаксем (субъектных, объектных и др.), напротив, производны от реализуемой ими позиции.

2. Вступая в предложение определенной структуры, синтаксема приобретает статус его компонента. Предложение любого состава и с точки зрения организации и с точки зрения членения может рассматриваться как одна из исчисляемых комбинаций синтаксем.

Таким образом, преодолевая затруднение, в котором оказалась стратификационная концепция языковых уровней, вынужденная констатировать, что между предложением и словом нет отношения целого и части (см., например, [1]). Недостающим звеном системы, частью по отношению к целому – предложению, оказывается не слово-лексема в исходной форме, а слово-синтаксема, или синтаксическая форма слова. Проясняются отношения синтаксемы со словом и предложением, с одной стороны, и отношения синтаксической и морфологической формы слова, с другой: объем понятия и дифференциальные признаки морфологической и синтаксической формы слова (синтаксемы) не совпадают. В пределах одной морфологической формы, как правило, различается ряд омонимичных и полисемичных синтаксем. Понятно, что синтаксемы (1) «*о* + предл. пад.» с делиберативным значением и (2) «*о* + предл.» со значением признакового партитива являются, при морфологическом подобию, структурно-смысловыми омонимами, они различаются и значением и набором позиционных возможностей, что определяет и их функциональную характеристику:

(1) представляющая тип свободных синтаксем, реализует свои потенции в изолированных позициях заголовка или тематически экспозиционного отрезка текста (I, 1,2. *О вреде табака; О детях; Об очередных задачах* и т. п.): в позиции предидирующего компонента предложения, при предидируемом имени информативного значения (II.2. *Рассказ – о детях; Стихи – о любимой; Доклад – о задачах...* и т. п.); в качестве присловного распространителя при глаголах и именах той же семантики (III. 1. *рассказывать о детях; петь о любимой*) III. 2. *рассказ о детях; песня о любимой* и т. п.);

(2) представляющая тип обусловленных синтаксем, характеризует предмет по количеству его составных частей, либо в предикативной позиции (II. 2. *Всякая вещь о двух концах; Домик был о трех окошках* и т. п.), либо в атрибутивной, приименной (III. 2. *до-*

мик о трех окошках, храм о двух шатрах и т. п.); оттенок устарелости в этой синтаксеме делает ее возможности и лексически и стилистически ограниченными. Отношения полисемии возникают в пределах делиберативной синтаксемы в позициях III.1. и 2.: помимо распространения глаголов и имен информативного значения, она выступает как распространитель глаголов и имен так называемого «скорбного чувства» (*сетовать, тужить, тосковать, печалиться, грустить, плакать о ком – о чем*) *тоска, печаль, грусть о ком – о чем* и т. п.). В этом случае объектное значение синтаксемы «о + предл.» осложняется каузативным оттенком, эта же объектно-каузативная синтаксема в свою очередь вступает в синонимические отношения с объектно-каузативной синтаксемой «по + дат.» (*тосковать по дому, по друзьям*). Многообразие конкретных условий проявления полисемии в разных синтаксемах будет импульсом для последующих наблюдений и размышлений.

Естественно, что в синонимические отношения (на основе сходства значений и функций, при различии формы) вступают не морфологическая форма, например, «о + предл.», во всей совокупности объединяемых ею синтаксем, а делиберативная синтаксема «о + предл.» с делиберативной синтаксемой «про + вин.» (*о детях – про детей*), так же как с рядом других делиберативных синтаксем, образуемых с помощью производных предлогов (*насчет детей, по поводу детей, относительно детей* и т. п.). То, что отношения омонимии, полисемии, синонимии, антонимии возникают именно между синтаксемами, а не между падежно-предложными формами вообще, может служить еще одним доказательством объективного существования в системе языка выделенных единиц.

Соотносительность единиц описания обнаруживает системность отношений между ними более наглядно по синтагматической, но, что не менее важно, и по парадигматической оси. Регулярность одних из этих отношений становится явной из самого описания, другие дают стимул для дальнейших исследований.

3. Тройственная характеристика каждой синтаксемы – с точки зрения формы, значения и функции – позволяет более объективно дифференцировать значения падежных форм и семантических групп глаголов. Количество выделяемых единиц (степень дробности деления) – один из самых спорных вопросов семантических классификаций – определяется здесь не произвольно устанавливаемой шкалой обобщения, не интуитивным представлением о типах ситуаций, а синтаксическими условиями употребления.

Функциональный анализ выявляет семантические группировки глаголов (и имен существительных – соотносительных и несоотносительных с глаголами), подтверждая реализацию каждой из них в соответствующих наборах именных распространителей. Внимание к категориально-семантическим характеристикам компонентов позволяет более четко, чем это

делалось в ряде описаний и словарей, разграничить типы глаголов – знаменательных, способных быть самостоятельными предикатами, и неполнознаменательных, лишь способствующих выполнять эту роль именным признаковым синтаксемам. Ср.:

Дом принадлежит деду

Он бережно относится к книгам

Он теряет ключи

Он приобретает картины

Кит принадлежит к млекопитающим
(Ср.: Кит – млекопитающее)

Кит относится к млекопитающим
(Ср.: Кит – млекопитающее)

Звуки теряют выразительность
(Ср.: Звуки становятся маловыразительными)

Он приобретает уверенность
(Ср.: Он становится уверенным в себе).

Предложения, подобные примерам правой колонки, трактуются как представляющие именную квалификативную модель (с вспомогательным глаголом или без него) и как представляющие фазисные модификации качественной модели.

Разграничение именных распространителей по признаку конкретность / абстрактность дает основание различить глагольные словосочетания с предметным именем как средства номинации расчлененного действия, используемые в качестве распространенного предиката глагольной модели и сочетания с абстрактным именем, служащим, в свою очередь, способом номинализованного представления предикативной единицы, содержащим, таким образом, имплицитную предикативность. Ср.:

Он показывает диапозитивы

Стихи показывают бедность его воображения

(Ср.: Стихи показывают, что его воображение бедно)

Соседи говорят об огороде

Стихи говорят о бедности его воображения и т.д.

Предложения, подобные примерам правой колонки, трактуются как полипредикативные структуры. Различение характера синтаксических связей в основных моделях и их модификациях, с одной стороны, в монопредикативных и полипредикативных предложениях – с другой, дает возможность представить всю совокупность «простых предложений» русского языка в иерархически организованном порядке.

Вопрос о семантических классификациях, поставленный на синтаксические опоры, позволяет более четко представить проблему типологии самих семантических отношений. Можно вывести из морфологически похожих сочетаний слов столб из гранита и спор из озорства отношения предмета и его материала в одном случае, действия и его мотивации – в другом. Существенно при этом, что признак по материалу – имманентное свойство предмета, которое может быть констатировано как атрибутивно, в распространенной номинации, словосочетании, так и предикативно, в именной модели предложения) что касается причинно-следственных отношений, то это отношения на другом речемыслительном уровне – между пропозициями, или событиями. Описание синтаксем и семантико-синтаксических условий их реализации ориентирует на корреляцию семантических отношений с разными видами мыслительного процесса, получающими выражение в синтаксических построениях разной сложности.

4. Получены основания уточнить соотношение понятий функции и формы. У Е. Куриловича есть такое утверждение: «Функции языковых форм определяются объемом употребления этих форм» [2]. Мы не располагаем сведениями, предпринимались ли попытки определить понятие «объем употребления форм», но функциональное описание синтаксем готово дать ответ на этот вопрос.

Сумма позиционных возможностей каждой синтаксемы, представленных в Словаре, и характеризует «объем употребления» синтаксемы, или ее функциональное пространство. Эти данные Словаря могут получить числовое выражение, коэффициент, обычно в пределах от 1 до 10. Так, обусловленная синтаксема от личного имени в дательном со значением субъекта состояния (*Саше не спится, но весело ей*) употребляется только в качестве предикативного компонента модели, другие позиции ей не свойственны. Эта синтаксема получит коэффициент 1 (или 3, если считать разными позиции одноименной субъектной формы при разных предикатах: *Саше не спится, Ей весело. Ей пора вставать*). Равным единице будет и функциональный коэффициент связанной синтаксемы винительного объекта действия: у этой синтаксемы единственный способ включаться в связную речь – при переходном глаголе.

Равен двум коэффициент у ряда обусловленных синтаксем признакового значения: синтаксемы «из-под + род.», характеризующей предикативно или атрибутивно предмет –

вместилище по бывшему содержимому (*Эта бутылка – из-под кефира; бутылка из-под кефира*), упомянутых выше синтаксисом признакового партитива «о + вин.» (*Стул – о трех ногах; стул о трех ногах*), фабрикатива («из + род.», характеризующего предмет по материалу (*Столб – из гранита; столб из гранита*)).

Полный набор из 10 основных позиций, дополненный грамматическими вариантами моделей, дают почти все локативные синтаксемы, приведем схематические примеры функционирования локатива «над(надо) + твор.»:

I. В заголовках: *Над ручьем; Над водопадом.*

II. 1. В предикцируемом компоненте предложения: *Над камином – зеркало; Над землей темно; Над равниной побелело;*

II.2. В предикцирующем компоненте: *Мы – над кратером; Дом – над обрывом;*

II.3. Распространитель модели предложения: *Над цветами жужжат пчелы;*

II.4. Компонент каузативно осложненной модели: *Он поставил дом над обрывом.*

II.1. Приглагольный распространитель: *стоять над рекой;*

1. а. с транзитивным (пути движения) оттенком: *лететь над волнами;*

II.2. Приименной распространитель: *восход над морем; небо над горизонтом.*

Коэффициент локатива «над + твор.» можно считать равным 11.

Состав и количество занимаемых синтаксемой позиций определяют объем и способы ее употребления в языке. Любые подсчеты частотности тех или иных форм недостаточно достоверны, не будучи соотнесены с функциональным коэффициентом. Основания исчисления его могут быть детализированы, но в принципе они обусловлены функционально-типологическим характером синтаксемы.

5. Исследование конститутивных единиц русского синтаксиса подтвердило мысль В.В. Виноградова о том, что имена существительные служат в русском языке «опорой большей части синтаксических конструкций» [3]. Именные, а не глагольные синтаксемы оказались главным ключом к синтаксическому механизму русского языка. Описание субстантивных синтаксисов составило основную часть Словаря. Известно, что в лексикографии принято фиксировать сочетаемость слов через глагол, от глагола. Однако квалификация валентностных свойств глагола минует особенности безглагольных конструкций, нивелирует разнообразие функциональных возможностей именных синтаксисов, не сводимых к зависимости от глагола, наконец, не отражает и многих глагольных конструкций, не укладывающихся в рамки глагольного «управления»; ср., например, несоотнесенность с глагольными словосочетаниями структур типа примерок правой колонки, в отличие от левой:

*Наловил **птиц***

(наловивший *птиц*,

наловив *птиц*,

налови *птиц*...)

*Привезла **раненого**,*

(привезшая *раненого*,

привези *раненого*...)

*Читать **раненому***

(читаю *кому*...,

читают *кому*...)

*Счет подписывается **чернилами***

(подписывать *чернилами*, подписывайте *чернилами*...)

*Ветром сорвало **крышу***

(сорвать *крышу*,

сорвав *крышу*...)

***Птиц** налетело*

(* налетевший *птиц*,

* налетев *птиц*,

* налети *птиц*...)

***Раненого** лихорадит*

(* лихорадивший *раненого*,

* лихорадь *раненого*...)

***Вам** выходить*

(* выхожу *кому*,

* выходят *кому*...)

*Счет подписывается **контролером***

(*подписывать *контролером*,

* подписывайте *контролером*...)

***Ветром** сорвало крышу*

(* сорвать *ветром*,

* сорвав *ветром*...).

Очевидно, что одноименные падежные формы существительных в соотнесенных парах примеров представляют разные синтаксемы, находящиеся в разных отношениях с глаголом (так же, как в последнем примере различны отношения с глаголом разноименных форм).

Путь от именных синтаксем, с характеристиками соответствующих глаголов в необходимых случаях, дал возможность полнее представить состав и безглагольных) и глагольных моделей русского предложения. Вследствие такого положения вещей глагольная часть Словаря получила отраженный характер, повторяющий закономерности, установленные в именной части. Глагольные сочетания в Словаре даны дважды: сгруппированными в структурно-семантические разряды, в порядке, соотнесенном с расположением соответствующих субстантивных синтаксем (с индексами, отсылающими к их, более подробной, квалификации), и в алфавитном порядке.

Глагольные сочетания сами по себе представляют различные типы по характеру взаимной связи с именной синтаксемой, что частично выразилось и в используемых терминах: глагольным словосочетанием называется сочетание глагола со связанной синтаксемой, типа **В**, глагольными сочетаниями – сочетания с синтаксемами свободными, типа **А**, и обусловленными, типа **Б**. Особую разновидность сочетаний составляют сочетания именных синтаксем с неполнозначными (фазисными, модальными и вспомогательными) глаголами.

Наблюдения над собственными возможностями субстантивных форм позволили установить, что большинство сочетаний глаголов с именами строится не на основе управления, глагольного «требования», а на основе синсемичности, взаимной готовности обеих сторон к соединению, при наличии общих сем. Круг собственно управляемых, связанных, синтаксем, отражающих индивидуальную лексическую сочетаемость, оказался минимальным.

Сочетаемость, таким образом, предстает в Словаре не как лексическая, а как семантико-грамматическая проблема, устремленная к выявлению обобщающих закономерностей синтаксических связей.

6. Функциональная классификация синтаксем дает ответы на ряд центральных вопросов теории предложения: о предикативном минимуме предложения, о возможностях и способах выражения главных компонентов различных моделей русского предложения, о возможностях и способах распространения моделей, о характере и степени присловной связи. Ряд нерешенных синтаксических проблем: проблема субъекта предложения, проблема «детерминантов», проблема сильного и слабого управления и др.– своим затянувшимся существованием обязан тому, что наблюдались следствия, а причины еще не были выявлены. Эти причины – в наличии системных семантико-синтаксических потенций у синтаксем определенных функциональных типов.

Последовательное описание моделей как результата реализации потенций предназначенных для их построения синтаксем подтверждает тезис о принципиальной двусоставности русского предложения. В этом тезисе, как в фокусе, сходятся логико-философские, гносеологические предпосылки и языковые данные: отображающий разные виды отношений действительности речемыслительный акт, претворяющийся в предложении, заключается в предикативном (в плане модальности, времени и лица) отнесении признака к предмету, его носителю. Именованное предмета само по себе или именованное признака, не приписываемого ничему, не составляет содержания предложения.

Выделение односоставных предложений было исторически прогрессивным шагом в упорядочении синтаксических конструкций на том этапе синтаксической теории, когда она

а) не преодолела морфологического ограничения, наложенного на представления о способах выражения предикатируемого (подлежащего); в силу этого синтаксически не оправданного ограничения за односоставные принимались предложения с обязательным субъектным компонентом (предикатируемым), выраженным определенными формами кос-

венных падежей, ср.: *Ах, няня, няня, я тоскую, Мне тошно, милая моя..* (Пушкин); *Мне грустно потому, что я тебя люблю..* (Лермонтов); *Вам холодно немножко, вы закрываете лицо воротником шинели; вам дремлетя* (Тургенев); *Нас много, мы играем, нам весело* (Л. Толстой); *Свет не без добрых людей* (Поел.) – *Не без добрых душ на свете* (Некрасов); *Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется – на душе светло* (Есенин); *У кого – канарейка, у кого – роялина, кто со шкафом, кто с уютгом...* (Маяковский);

б) не разграничивала язык и речь; в результате этого неразграничения за одноставные принимались речевые реализации двусоставных языковых моделей с контекстным или ситуативным эллипсисом преддицируемого компонента (подлежащего): в силу присущей речи ситуативности (актуализованности категорий «я – здесь – сейчас») и сопротивления избыточности этот компонент часто оказывается избыточным, хотя место и способы его выражения остаются фиксированными. Лингвисту нашего времени понятно, что если лирический герой говорит о себе в одном случае «*Мне грустно, потому что я тебя люблю...*», а в другом «*И скучно, и грустно! и некому руку подать В минуту душевной невзгоды...*» (Лермонтов), используется одна и та же двусоставная модель, сообщающая о состоянии субъекта, но в первом примере – в полной речевой реализации, во втором – в неполной, с опущенным именем субъекта в дательном. Именованное предикативно характеризуемого места или времени также может либо присутствовать в тексте, либо быть опущенным в силу очевидности его. Ср. примеры: *Что здесь у вас за край? То холодно, то очень жарко...* (Крылов); *Сад маленький, но чего тут не было? Кофейные деревья, бананы, ананасы, множество цветов* (Гончаров); *Неслышен здесь житейский шум, Прохлада, тишина и полусумрак...* (Некрасов); [*Астров*] *Тишина. Перья скрипят, сверчок кричит* (Чехов); *И кругом – ни звука!* (Горький); *Ни звука, ни шороха* (Серафимович); *В этот час было совсем тихо, – ни шагов, ни звуков копыт* (А. Н. Толстой); *Двенадцать... Сейчас, наверно, Прошел он через посты. Час... Сейчас он добрался к подножию высоты. Два... Он теперь, должно быть. Ползет на самый хребет. Три...* (Симонов).

Полученные в Словаре перечни моделей выявляют регулярные способы выражения преддицируемого компонента русских предложений разных типов: обусловленные синтаксемы со значением личного субъекта преддицируемого признака (*Он в тревоге; У него озноб; Ему весело; Его знобит; С ним обморок, В нем недоброта и недоверчивость* и т. п.), свободные синтаксемы с локативным значением, некоторые темпоративные в предложениях, предикативно характеризующих неличный субъект – называемое место или время (*За окном [на дворе, на улице] мороз [морозно, морозит]; Над равниной побелело [месяц, туманно]; На солнышке тепло [припекает, капель]; В лесу сумрак [сумрачно, смеркается];* и т. п.; *Восьмого марта – Международный женский день; Сейчас – полночь* и т. п.); отвлеченные имена и инфинитив во вторичных, полипредикативных моделях – с иным набором предикативных признаков; особые формы выражения главных компонентов закреплены за экспрессивно-модальными модификациями предложений. Диалектическая противопоставленность в предикативном единстве предметного и признакового содержания в разной степени абстракции от конкретного – вот структурно-семантическая основа предикативного минимума (модели) предложения и вместе с тем основание для иерархической классификации моделей по типам отображаемых внеязыковых отношений, в их соотносительности с соответствующими языковыми средствами и степенями логико-мыслительного процесса осмысления действительности.

Что касается «детерминантов», или распространителей предикативного минимума предложения, существование которых как особого синтаксического явления было отмечено еще А.Х. Востоковым, позже Л.В. Щербой и В.В. Виноградовым и терминологизировано Н.Ю. Шведовой, следует сказать, что множественность обсуждавшихся в литературе их признаков, или критериев опознания, необязательных в совокупности, лишь частично применимых в разных случаях, свидетельствует сама по себе о принципиальной неоднородности наблюдаемого объекта, рамки которого оказались неправомерно расширенными.

Дискуссия о детерминантах может идти далее либо путем наращивания как перечней детерминантов, так и их факультативных признаков, либо путем дифференциации материала с иной точки отсчета.

Действительно, изучение функциональных потенций именных синтаксем показывает, что роль распространителей предложения свойственна только свободным и обусловленным синтаксемам, но не связанным, которые не способны разорвать присловную связь (речь не идет, конечно, о случаях эллипсиса). В примерах типа *Старика забыли*, *Лодку унесло ветром* имя в винительном остается объектным присловным распространителем переходного глагола, вынесенным в препозицию требованиями организации текста (актуальным членением). То, что детерминантами, т. е. распространителями предложения, считают «основные семантические компоненты предложения – субъект, объект»..., выражаемые формами косвенных падежей (*Ему весело*; *У него бодрое настроение*; *С женщиной беда*; *За ним долг*; *Сыну год*; *Старику нездоровится*; *У отца три сына*; *От муравьев польза*; *С сердцем плохо*; *На уме – развлечения*; *В ребенке нет зла* и т. п., можно объяснить только как результат наложения привычных падежных критериев членов предложения на реальные структуры. В итоге механически обесмысливается понятие предложения, насильственно разделяемого между «двумя уровнями анализа». «И устарела старина, старым бредит новизна», – сказано о подобных ситуациях у Пушкина. Думается, что задача дальнейшего изучения распространителей предложения – не столько в распределении их по разрядам обстоятельств, сколько в дифференциации характера их отношений с распространяемым целым: существенно различны связь, допустим, между действием и локальной его характеристикой, с одной стороны, и между действием и его причиной, следствием, условием – с другой: в первом случае связь поддается непосредственному наблюдению, во втором конструируется в результате логической операции в сознании субъекта речи. Эти различия ставят соответствующие конструкции в разные парадигматические ряды в системе синтаксических средств.

В заключение можно добавить, что представленная в Словаре грамматическая концепция оснащена обширными материалами из источников разных жанров – от Пушкина до газет последних дней, это делает ее открытой к критическому восприятию, что, в свою очередь, может способствовать дальнейшему совершенствованию синтаксических воззрений, дальнейшему осмыслению принципов и закономерностей синтаксической системы в теоретических и практических целях.

Литература

1. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974, с. 133.
2. Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962, с. 131.
3. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.– Л., 1947, с. 177.